

Столичные банки и банкирские конторы в зависимости от того, при какой минимальной сумме вноса они открывали онкольный счет, распределялись следующим образом. При вносе 5000 руб. открывали онкольный счет Русский для внешней торговли банк, Русский торгово-промышленный банк, Учетный и ссудный банк, Волжско-Камский банк, Русско-Китайский банк, Московский купеческий банк; 3000 руб. — Международный коммерческий банк, Северный банк, банк «Э. М. Мейер и К°»; 2000 руб. — Азовско-Донской банк, банк «Бр. Джамгаровы»; 1000 руб. — Сибирский торговый банк, С.-Петербургское общество взаимного кредита, «Лампе и К°», «Бр. Рябушинские», «Юнкер», Лионский кредит, Соединенный банк, «Г. Волков с с-ми, «Кафталъ, Гандельман и К°», «Маврикий Нелькен»; 500 руб. — Русское торгово-промышленное общество, Общество взаимного кредита, «Вавельберг», Частный коммерческий банк; 300 руб. — «А. В. Смирнов»; 100 руб. — «Захарий Жданов», «Д. Г. Лесин» и «Банкирский дом русской промышленности».

Из приведенного списка видно, что солидность банка прямо пропорционально зависела от минимальной суммы открытия онкольного счета. Серьезные банки не стремились заполучить мелких клиентов, с которыми работы было больше, чем с крупными клиентами, а доход банку тот же (см.: Всероссийский вестник торговли, промышленности и техники. 1910. № 4. С. 8).

¹⁰ Миллионные аферы // Петербургский листок. 1914. 16 янв.; Авантюристы наших дней // Там же. 17, 22 мая.

¹¹ Миллионные аферы...; Банки и биржа. 1913. № 37. С. 5; Вопросы банков, биржи и финансов. 1915. № 6. С. 8.

¹² Миллионные аферы...

¹³ Авантюристы наших дней... 24 мая.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 243. Оп. 1. Д. 805.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Арест короля русских аферистов // Вечернее время. 1912. 24 апр.

¹⁷ Авантюристы наших дней... 19 мая.

¹⁸ Там же. 25 мая.

С. В. Филатова

КУПЧИХИ В ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ: ОБРАЗ ЖИЗНИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

(вторая половина XIX — начало XX в.)

История купеческого сословия — тема, востребованная самой жизнью, вновь поставившей в постсоветской России задачу развития отечественного предпринимательства. Хотя сегодня существует масса работ, посвященных истории купечества в целом, они сосредоточены преимущественно вокруг мужчин. Безусловно, подобный подход не нуждается в каких-либо обоснованиях: роль мужчины в становлении купечества как сословия бесспорна. Однако в огромной плеяде лиц, ковавших славу и успех российского предпри-

нимательства, создавших самобытный, неповторимый облик отечественного делового мира, немалую долю составляли женщины.

Образ жизни женщины купеческой среды традиционно изучался в рамках истории повседневности купечества. Эта тема была весьма популярна и в художественной литературе, которая надолго создала весьма непривлекательный стереотип. Вплоть до начала XX в. тема бытового, семейного самодурства, несвободы купеческой жизни, мертвящей скуки, бесконечной ругани, издевательств и прямого физического насилия проходит через всю русскую литературу¹.

Какие-то из перечисленных характеристик, несомненно, соответствовали действительности. Так, важнейшей особенностью провинциального быта купеческой семьи являлась патриархальность. На наш взгляд, это было обусловлено в первую очередь тем фактом, что именно глава семьи, приобретая купеческое свидетельство, обеспечивал своим родичам данный статус. И только он нес ответственность за результаты предпринимательской деятельности.

Отметим также, что главой семьи формально и фактически могла быть женщина. Хотя в семейной жизни она целиком была подчинена мужчине, в бизнесе русская женщина имела возможность играть самостоятельную роль собственника и руководителя торгового или промышленного предприятия. Такое положение вещей складывалось на протяжении всей русской истории. Как отмечает В. Б. Перхавко, хотя у древних русов торговля считалась не женским занятием, некоторые из женщин имели прямое отношение к сфере товарообмена. Об этом, в частности, свидетельствуют предметы, обнаруженные в женских захоронениях X в., открытых в Гнездове под Смоленском, Тимиреве под Ярославлем, Шестовицах под Черниговом. Здесь были найдены инструменты для взвешивания серебра — миниатюрные складные весы, гирики-разновески — и монеты².

Позднее и закон, и обычай в России обозначали различие между имуществом мужа и жены. Основные положения женского имущественного права формировались в XII–XVIII вв. В первую очередь этот процесс коснулся привилегированных сословий. В частности, уже Русская Правда позволяла при отсутствии сыновей наследовать родительское недвижимое имущество дочерям (также дочери часто получали приданое или наследство в форме движимого имущества). По Судебнику 1497 г. наследование дочерью отцовского имущества и земли стало общей нормой, распространяющейся уже на все слои общества. Впоследствии эту норму подтвердили Судебники XVI в. и Соборное уложение 1649 г.³ Далее отдельными указами 1676 и 1679 гг. Боярская дума запретила мужчинам продавать родовые земли своих жен без согласия последних.

В XVIII–XIX вв. система женского имущественного права окончательного оформилась. Указ о единонаследии 1714 г. прямо говорил, что мужчины

вправе назначать наследников лишь своих собственных имений, а не имений жены. А в 1753 г. специальным законодательным актом женщинам было дано право отчуждать свои земли без согласия мужей. В 1800 г. Устав о банкротах запретил кредиторам требовать в возмещение долга имущество жен разорившихся купцов⁴.

Таким образом, хотя брак и означал общее владение имуществом, каждый из супругов мог иметь и вновь приобретать отдельную собственность. Приданое жены, равно как и имущество, приобретенное ею или на ее имя во время замужества, признавалось ее отдельной собственностью, которой она самостоятельно распоряжалась. Многим женщинам при этом удавалось совместить собственную выгоду и интересы супруга. Так, 23 февраля 1870 г. жена пензенского 2-й гильдии купца М. Г. Кликунова заключила контракт с Пензенским отделением Государственного банка, по которому сдала в наем принадлежащий ей «каменный трехэтажный дом на Московской улице, кроме помещения в первом этаже, занимающего магазином галантерейных вещей мужа»⁵.

Сложившийся порядок имущественных взаимоотношений супругов привел к юридическому закреплению нормы права, согласно которой женщина могла самостоятельно заниматься практически любой коммерческой деятельностью. В частности, Устав торговый подчеркивал: «Лица женского пола причисляются к купеческим гильдиям на одинаковом отношении с мужским»⁶. Также закон не чинил никаких препятствий жене купца, если она пожелает объявить капитал отдельно и самостоятельно осуществлять «торговые действия». Ответственность за них падала на ее собственность, за исключением случаев несостоятельности, когда имущество мужа по Уставу судопроизводства торгового привлекалось к судебной ответственности⁷.

В большинстве случаев женщины, обладавшие коммерческими способностями, инициативные и амбициозные, имели все шансы достичь высот предпринимательского успеха. Имена некоторых из них были довольно известны. В частности, широкой популярностью у населения Симбирска пользовался винно-гастрономический магазин Зеленковых. Основатель дела С. И. Зеленков (1835–1905) начинал с разносного мелочного торга — продажи с рук дешевых конфет, пряников, кренделей. В 1888 г. он стал симбирским 2-й гильдии купцом и открыл винно-гастрономический магазин с весьма разнообразным выбором деликатесов: черная икра, балыки, омары, копчушки, различные консервы и вина. После смерти Семена Ивановича руководство предприятием приняла на себя его супруга Аграфена Флегонтовна. Магазин просуществовал до 1917 г., сохраняя лучшую репутацию, несмотря на то, что Зеленкова находилась в довольно преклонном возрасте — в 1905 г. ей минул 61 год⁸.

Прекрасную репутацию имел и винно-бакалейный магазин купчихи О. А. Черноусовой, расположенный на улице Гончарова в том же Симбирске. Бакалейное дело она унаследовала после смерти мужа в 1895 г. и, работая

самостоятельно, смогла значительно расширить торговлю. Залогом коммерческого успеха была сама личность хозяйки. «Пенсне в золотой оправе, умение одеваться изящно, но неброско, делали Черноусову похожей скорее на классную наставницу, нежели на банальную торговку». Черноусова могла поддержать любой разговор, ведь не зря же она закончила курс Мариинской женской гимназии. «“Образованная” внешность хозяйки привлекала покупателей, а среди них были многие высокопоставленные лица губернии, в том числе губернатор и городской голова»⁹.

Вполне успешно женщины участвовали и в промышленном предпринимательстве. Так, саранский купец С. Д. Начаркин, владелец винокуренного завода, «предпочитал вести хозяйство по старинке» и «не был расположен к особым техническим новшествам». Когда же предприятие в 1910 г. перешло в собственность его жены Софьи Егоровны, она сразу ввела технические новшества. В 1911 г. были установлены три батареи завода Циганди, медный одноколоночный непрерывно действующий брагоперегонный аппарат системы Ф. Виганд № 545, а также заторный чан на 1054 ведра, центробежный, бражный, пароводяной насосы и солододробилка. В результате завод получил название по имени своей владелицы — Софийский¹⁰. А. Д. Муравьева получила созданные мужем пильню и мельницу, а десять лет спустя она была хозяйкой уже достаточно солидного лесопильного завода. Не чужда была дамам и сфера финансово-кредитных операций. В частности, пензенская купчиха М. Е. Базерова не только сохранила супружеский магазин колониальных товаров, но и превзошла своего мужа, открыв (совместно с братом) единственную в Пензенской губернии банковскую контору, положив таким образом начало рынку ценных бумаг в крае¹¹.

Женская привлекательность и обходительность нередко способствовала разрешению конфликтов с властями, неизбежно возникающих при ведении бизнеса. В частности, в 1897 г. чрезвычайно обострились отношения между чиновниками акцизного ведомства и администрацией спичечной фабрики купчихи А. Т. Казуровой, расположенной в Нижне-Ломовском уезде Пензенской губернии. Присланный на предприятие ревизор натолкнулся на противодействие администрации. Акцизные чиновники искали поддержку у местных властей, но безуспешно: полицейский пристав, отобедав с Казуровой, пришел в «размягченное состояние духа» и стал «почти открыто порицать действия акцизного надзора»¹².

О степени развития женского предпринимательства мы можем также судить и по материалам официальных сводок. Согласно данным Пензенского губернского статистического комитета, в 1868 г. в Пензенской губернии среди местных купцов было 18,6 % женщин¹³. В основном они занимались хлебной и бакалейной торговлей (25,8 %), а также содержанием питейных заведений различного рода (11,8 %). Круг деятельности остальных был довольно широк: от мелочной торговли до содержания фабрично-заводских предприятий¹⁴.

В Самаре в середине XIX в. насчитывалось 180 купцов, из них 35 женщин (19,4 %) ¹⁵. Однако здесь следует отметить, что среди дам доля тех, кто вовсе не занимался никакой коммерческой деятельностью, была довольно значительной — 24,7 % (для сравнения: доля мужчин составляла всего 7,2 %). Подобная ситуация имела место по всей России. Она была связана с самим купеческим статусом, который обеспечивал владельцу звания и членам его семьи некоторые права и привилегии: освобождение от рекрутской службы, телесных наказаний и пр.

Неудивительно, что женщины, будучи в силу своей социальной роли ограничены в других возможностях добиться подобного положения, предпочитали воспользоваться именно этим путем. Данный тезис косвенно подтверждается и тем фактом, что подавляющее большинство женщин, не занимающихся предпринимательской деятельностью, были девицы и вдовы с малолетними детьми или бездетные, то есть принадлежавшие к категории лиц, нуждавшихся в поддержке.

Такие женщины по возможности стремились быть приписанными к семейному капиталу. В частности, анализ посемейных списков провинциального купечества второй половины XIX в. показывает, что в среднем в одно купеческое свидетельство записывались по 8–10 человек ¹⁶, однако их число могло быть значительно больше. Так, в свидетельство самарского купца Г. С. Овсянникова было внесено 41 лицо: дети, снохи, внуки ¹⁷.

В торгово-промышленной деятельности все члены семейства выступали только как доверенные лица начальника капитала. Концентрация капитала в немалой степени способствовала успешному ведению бизнеса, поэтому многие купеческие патриархи не спешили предоставлять своим детям самостоятельность. Дочери оставались в семейном капитале до замужества. А многие мужчины вполне зрелого возраста, даже вступившие в брак, числились «купческими сыновьями», а не купцами. Так, по воспоминаниям современника, «старший сын симбирского купца Зеленкова был уже женатым и имел маленьких детей, но отец не отделял его от себя, заставлял жить в одной квартире с собой...».

Но в конце XIX столетия «в жизни купечества, несомненно, наступил перелом. В этот период в городах исчезли купеческие типы вроде Кабанихи и Дикого, за весьма редким исключением. Культура начинает просачиваться в этот мир, и уже не было тогда купчих, которые считали паровоз огненным змеем и слепо верили глупым рассказам странниц и приживалок» ¹⁸. В повседневный досуг купечества рубежа XIX–XX вв. постепенно входит чтение. Так, А. П. Кузнецов, представитель известной пензенской купеческой фамилии, описывает времяпрепровождение своих ближайших родственников следующим образом: «Бабушка моя Федосья Ивановна ... сидела больше за чтением как светских, так и духовных книг. Хотя образования она никакого не имела, но чтением увлекалась и прочла на своем веку немало книг... Мать

моя Наталья Александровна ... очень любила читать, собрала порядочную свою библиотеку и была всегдашней подписчицей единственной городской общественной библиотеки. Она много читала мне вслух и я, не зная еще грамоты, знал наизусть много стихотворений»¹⁹.

Как констатировал современник, купцы «стали тянуться за дворянством и определяли своих детей в гимназии или коммерческие училища, а затем и высшие учебные заведения»²⁰. Неудивительно, что досуг юных отпрысков купеческих семейств постепенно приобретает интеллектуальную направленность. В дневнике Н. А. Финогеевой, дочери пензенского купца 1-й гильдии А. Ф. Финогеева, отмечено: «...целый вечер читала»; «Вечером я с мамою ходила в Реальное училище. Там был вечер и играли на рояле, на скрипке, говорили стихи, пели и представляли сами реалисты “Демьянову уху” и из “Недоросля” — “Митрофан и его учение”. Мне очень понравилось...»; «Нынче утром я с мамою играла на рояле в четыре руки»; «До обеда я писала диктовки — французскую и немецкую...»²¹.

Достаточное для понимания искусства образование получили пензенские купчихи А. Д. Мейергольд и Н. Д. Попова, имевшие в театрах города персональные ложи. Сын первой — В. Э. Мейерхольд — стал прославленным реформатором отечественного театра, сын второй — профессором театрального института.

При этом сохранялись и традиционные формы социальной активности купеческих жен — благотворительность и попечительство. Так, П. В. Карпова, жена пензенского купца 1-й гильдии А. Ф. Карпова, регулярно оказывала материальную поддержку церкви. На постройку храма в с. Вышилее Городищенского уезда она пожертвовала 1,5 тыс. руб., на постройку гарнизонного храма в Пензе — 600 руб. Также крупные суммы были внесены на золочение креста пензенского кафедрального собора. Но объектом особых забот купчихи была карповская богадельня возле Духосошественской церкви. Нуждающимся крестьянам с. Вышилей и с. Сермана Прасковья Васильевна выделяла муку, крупы, а многим бедным горожанам установила ежемесячную пенсию в размере от 1 до 10 руб. Т. В. Грошева, супруга городского головы, перво-гильдейского купца И. Е. Грошева, много лет была членом попечительского совета женской прогимназии²².

И все же главными обязанностями женщин купеческого сословия были домашняя экономика, воспитание детей и организация семейного быта. Жена обязана была приготовить ежедневно обед для супруга (самостоятельно или с помощью прислуги) и создать обстановку, благоприятную для его домашнего отдыха или досуга. Если в доме собирались гости, на хозяйку возлагалась обязанность развлекать дам. Хожение в гости и приглашение гостей были одной из самых распространенных форм времяпрепровождения. Это была наиболее приятная и доступная форма межсемейного общения. Свободное время купеческие жены посвящали изготовлению кваса, пива, нали-

вок, приготовлению всевозможных яств, пошиву одежды, изобретению средств и способов макияжа. Благочестивые купчихи каждое воскресенье ходили в церковь. В теплое время года выезжали на гуляния в лесок. «Счастливы в мире тот, кто малым доволен», — эта истина в те времена признавалась неоспоримой», — писал об образе жизни своей семьи мокшанский купец В. П. Быстренин²³.

Говоря об эволюции образа жизни женщин купеческой среды в указанный период мы отмечаем, что дореформенная относительно закрытая модель, основанная на патриархальных ценностях, постепенно разрушалась. Хотя брак, семья и домашний очаг по-прежнему оставались приоритетными ценностями, круг интересов и целей женщин, принадлежавших к купеческому званию, значительно расширился. Это выражалось в повышении уровня интеллектуального развития, расширении меж- и внутрисословных коммуникаций, возрастании социальной активности. В культурной и экономической жизни провинции представительницы данного сословия играли значительную роль. Благодаря династическим бракам объединялись и укреплялись капиталы многих купеческих кланов, налаживались близкие, доверительные связи. Многие женщины отдавали бизнесу личные способности. При этом вновь подчеркнем, что занятие женщин предпринимательской деятельностью не было исключительно следствием буржуазной модернизации. С другой стороны, пореформенная либерализация так или иначе способствовала более масштабному вовлечению женщин в предпринимательство.

Примечания

¹ Левандовская А. А., Левандовский А. А. «Темное царство»: купец-предприниматель и его литературные образы // ОИ. 2002. № 1. С. 152–155.

² Перхавко В. Б. Купчихи допетровской России // ВИ. 2009. № 1. С. 148.

³ Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии. Л., 1987. С. 83–84.

⁴ Маррезе М. Л. Бабые царство: дворянки и владение имуществом в России (1700–1861). М., 2009. С. 71, 176.

⁵ ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 42. Л. 1, 1 об.

⁶ Свод законов Российской империи. Т. 11, ч. 2. СПб., 1857. Ст. 14.

⁷ Бардзкий А. Э. Законы о несостоятельности торговой и не торговой и о личном задержании неисправных должников: С разъяснениями Гражд. и Уголов. кассац. департаментов и Общего собр. департаментов Правительствующего Сената за 30 лет (с 1868 по 1898 г. включительно). Екатеринослав, 1899.

⁸ ГАУО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 66; Ульяновская — Симбирская энциклопедия: В 2 т. Т. 1. Ульяновск, 2000. С. 218.

⁹ ГАУО. Ф. Р–4061. Оп. 1. Д. 313. Л. 112.

¹⁰ Белохвостиков Е. П. Софийский спиртзавод: становление и развитие. Пенза, 2003. С. 23–24.

¹¹ Тюстин А. В. Во благо Отечества: Из истории предпринимательства Пенз. губернии. М., 2004. С. 250.

¹² ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6632.

¹³ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 160.

¹⁴ Там же. Д. 156.

¹⁵ ЦГАСО. Ф. 146. Оп. 1. Д. 2.

¹⁶ ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 939; ГАУО. Ф. 137. Оп. 40. Д. 54.

¹⁷ ЦГАСО. Ф. 146. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

¹⁸ ГАУО. Ф. Р-4061. Оп. 1. Д. 313. Л. 92.

¹⁹ Кузнецов А. П. Моя родословная: Неоконч. воспоминания // Земство: Арх. провинц. истории России. 1995. № 3. С. 74.

²⁰ ГАУО. Ф. Р-4061. Оп. 1. Д. 313. Л. 112.

²¹ Финогеева Н. А. «Когда я пишу в дневнике все, что у меня на душе, я как-то успокаиваюсь...»: Из дневника гимназистки. 22 февр. 1915 г. — 6 мая 1921 г. // Земство: Арх. провинц. истории России. 1995. № 3. С. 47–49.

²² Тютин А. В. Во благо Отечества... С. 318, 328.

²³ Быстренин В. П. «Уходящее». (Силуэты) // Голос минувшего. 1922. № 1. С. 37.

Е. Л. Ломако, Л. Н. Соза

КОЛОМЕНСКОЕ КУПЕЧЕСТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII — НАЧАЛА XX в.: ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В провинциальных торговых городах купечество на протяжении второй половины XVIII — первой половины XIX в. оставалось ведущей экономической группой населения. Ряд законодательных актов с 1720-х гг. вводил под именем купцов все городское население и делил его на три гильдии. В Коломне купечества во вторую ревизию (1744–1747 гг.) насчитывалось 1955 душ м. п.¹ К третьей ревизии (1762–1767 гг.) численность купцов составила 1884 души м. п.² В 1775 г. вышел именной указ «О сборе с купцов, вместо подушных, по одному проценту с объявленного капитала и о разделении их на гильдии»³. Данный указ вводил разделение купцов по гильдиям в зависимости от суммы указанного капитала. В результате купеческая группа в России существенно сократилась. Эта же тенденция прослеживается и в уездной Коломне: сведения городской канцелярии 1778 г. свидетельствуют о 19 душах купцов 1-й гильдии, 167 — 2-й, 574 — 3-й⁴. Однако четвертая ревизия (1782–1787 гг.) зафиксировала 1221 представителя купечества, что говорит о положительной динамике роста указанного сословия⁵.

Значительное пополнение коломенского купечества происходило после секуляризации церковных земель в 1764 г. из среды экономических крестьян. Коломенские купцы в свою очередь записывались, в основном, в московское или Санкт-Петербургское купечество, а также в Рязанское. Переход в московское купечество в 1782 г. Д. Д. Мещанинова — представителя богатейшей фамилии — наиболее заметен. Мещанинов подал прошение о записи его